

Котелевская В.В.

**РЕБЕНОК В «ТЮРЬМЕ ЯЗЫКА»: К ПОЛИТИКЕ И
ПОЭТИКЕ ПИСЬМА В МОДЕРНИСТСКОМ
ДЕТСКОМ ТЕКСТЕ^{©1}**

*Институт филологии, журналистики и межкультурной
коммуникации Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия, vvkotelevskaya@sfsedu.ru*

Аннотация. В статье представлен краткий обзор русской и немецкой модернистской прозы, в которой изображается детство и преобладает детский взгляд на мир и письмо. Цель обзора – на примере произведений Рильке, Вальзера, Бенямина, Мандельштама, Андрея Белого, Саши Соколова рассмотреть детство и детскость не только как тематику, но и как эпистемологический и конструктивный принцип. В ходе работы выявляются следующие признаки модернистского детского текста: автобиографизм воспоминаний о детстве преодолевается в психологической, философско-языковой типизации детского опыта автора; художественные открытия сближаются с открытиями в области психологии (Фрейд, Пиаже, Юнг и др.); позиция нарратора амбивалентна – она балансирует между детской и взрослой точками зрения; с детской, «варварской» позиции пересматриваются основы литературного канона и языка как такового. Таким образом, модернистский детский текст демонстрирует детерминированность всякой картины мира дискурсом («тюрьма языка», по Джеймисону), в том числе школьным и политическим, и гипертрафирует роль поэтологического метатекста.

© Котелевская В.В., 2022.

¹ Статья написана в рамках индивидуальной резиденции АНО «Дом творчества писателей в Перedelкино». Автор благодарит Дарью Беглову, генерального директора, Юлию Вронскую, креативного директора, Александра Филиппова-Чехова, куратора переводческих резиденций, а также всех сотрудников Дома творчества за создание вдохновляющей интеллектуальной среды.

Ключевые слова: модернистский детский текст; поэтология; *puer aeternus*; амбивалентность героя; остранение; Р.М. Рильке; В. Беньямин; Р. Вальзер; Андрей Белый; Саша Соколов.

Поступила: 03.06.2022

Принята к печати: 14.06.2022

Kotelevskaya V.V.

**A child in the “prison-house of language”: towards the politics
and poetics of writing in the modernist text of childhood[©]**

*Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
vvkotelevskaya@srfedu.ru*

Abstract. The article provides a brief overview of Russian and German modernist fiction, which depicts childhood and is dominated by childlike world perception and writing. The aim of this overview is to examine childhood and childishness not only as a theme, but also as an epistemological and constructive principle, which can be easily found in the works of Rilke, Walser, Benjamin, Mandelstam, Andrei Bely, and Sasha Sokolov. The work reveals the following particulars of the modernist text of childhood: autobiographicality of childhood memories is overcome by psychological, language-philosophical typification of the author's childhood experience; poetic discoveries prove to be close to the findings in the fields of psychology and psychoanalysis (Freud, Piaget, Jung and others); the narrator's stand is ambivalent, balancing between the childish and mature points of view; from a childish, “barbarian” position the foundations of the literary canon and language as such are revised. The modernist text of childhood thus demonstrates the determinism of all worldviews by discourse (Jameson's “prison-house of language”), including school and political discourses. It also overemphasizes the role of the poetological metatext.

Keywords: modernist text of childhood; poetology; *puer aeternus*; ambivalence of the character; defamiliarization; R.M. Rilke; W. Benjamin; R. Walser; Andrei Bely; Sasha Sokolov.

Received: 03.06.2022

Accepted: 14.06.2022

Дайте мне время – я докажу вам, кто из нас прав, я когда-нибудь так крутану ваш скрипучий ленивый эллипсоид, что реки ваши потекут вспять, вы забудете ваши фальшивые книжки и газетенки, вас будет тошнить от собственных голосов, фамилий и званий, вы разучитесь читать и писать, вам захочется лепетать подобно августовской осинке.

С. Соколов, «Школа для дураков»

Рассудительная книга, по которой абсолютно ничему нельзя научиться.

Р. Вальзер, «Разбойник»

Детство и детскость – явления, не только составившие важнейший предмет модернистского искусства, но и определившие его мышление – эпистемологию и конструктивный принцип, который в разных изводах воплотился как *наив*, *примитив*, *новое варварство*, *дикость*, *дада*, *остранение*. Поколение, еще «ездившее в школу на конке», вернулось с полей Первой мировой «онемевшим» – оно «застыло под открытым небом посреди пейзажа, в котором неизменными остались лишь облака, а в центре, в силовом поле разрушительных потоков и взрывов, – крошечное, хрупкое человеческое тело» [Benjamin, 1991, S. 214]. Этот эскиз настойчиво повторяется у В. Бенямина в текстах 1930-х годов – в короткой заметке «Бедность и опыт», в программном эссе «Рассказчик». Сам уже будучи изгнанником, Бенямин обратится в этот период к собственному детству¹, чтобы, в числе прочего, описать «варварство», беззащитность ребенка перед буржуазным «интерьером», оплотом привычки и ритуала. Т. Адорно, составляя в 1950 г. послесловие к его «Берлинскому детству на рубеже веков», изданному отдельной книгой посмертно, не мог не увидеть в этих воспоминаниях отсвета катастрофы. В «картинах [детства], – пишет он, – которые подступают даже чересчур близко, нет ни идиллического, ни созерцательного настроения. Их омрачает тень гитлеровского рейха. Как в сновидении, давнее прошлое в этих картинах соеди-

¹ Речь идет о «Берлинской хронике», проекте регулярных публикаций в еженедельнике *Die literarische Welt* в 1931 г., переросшем в итоге в книгу «Берлинское детство на рубеже веков» (1932–1938).

няется со страхом перед немецким настоящим. С паническим ужасом буржуазная духовность, при виде того как распадается аура ее биографического прошлого, осознает самое себя – осознает как мнимость. Вполне отвечает характеру “берлинской” книжки то, что при жизни Бенямина она как цельное произведение не увидела свет: в полные лишений первые годы эмиграции писателю, нередко под псевдонимом, пришлось печатать многие отрывки в газетах» [Бенямин, 2012, с. 139].

Тщетность опыта, пресыщенность прошлым вскрылись к началу XX века в девальвации благ образования и морали, религии и капитала. Обозревая этот век катастроф, можно убедиться, что плод эпохи Просвещения – роман воспитания – все чаще предстает здесь в форме повествования антивоспитательного. Взросление представляется подлинной травмой, которую вытесняет отроческое «я», находя спасение от «ужаса истории» (Дж. Джойс, «Улисс», 1922) то в утопическом зазеркалье пансиона для слуг, как в «Якобе фон Гунтене» (1909) Р. Вальзера, то в герметизированном, невинно-жестоком микрокосме детской, как в «Ужасных детях» Ж. Кокто (1929), то в дачной советской пасторали, где река Лета стирает следы всякой казарменной муштры, а безымянный школьник «такой-то», сбегая от переписывания ненавистных ему газет и заучивания цитат из житий советских святых¹, учится языку трав, бабочек и облаков, ничего не зная о Руссо и Набокове, языку эротики, находя для него эвфемистический жаргон русской сказки («скирлы») и параномазии («почули», «ветка акации» – Вета Акатова, «роза ветров» – Роза Ветрова, Аркадия – Аркадий Аркадьевич и т.п.). «Никто не в состоянии выучить: шум дождя, аромат маттиолы, предчувствие небытия, полет шмеля, броуновское движение и многое прочее. Все это можно изучить, но *выучить* – никогда», – размышляет герой «Школы для дураков» [Соколов, 2019, с. 172]. Не желая «закаляться, как сталь» [там же, с. 185],

¹ Знаменитый фрагмент о том, что жизнь следует прожить так, чтобы «не было мучительно больно...», из соцреалистического воспитательного романа «Как закалялась сталь» (1934) Н.А. Островского, заучивавшийся наизусть несколькими поколениями школьников в СССР, вплоть до распада государства, обыгрывается в романе «Школа для дураков» (1973) разными способами, будучи включен автором в карнавальные сниженно-комические или лирические, но всегда неуместные для оригинала контексты.

одинаково отторгая как давно профанированный героизм¹, так и радости позднесоветского бюргерства (стать инженером, купить автомобиль, водить невесту в ресторан), советский школьник при-
мыкает к «поколению дворников и сторожей»², превращается в белую кувшинку *Nymphaea alba*, как бы реализуя каламбур *растительного существования*.

*Стереть следы*³, начать «с самого начала, начать с нового; обойтись малым; конструировать из малого, не оглядываясь по сторонам», – таково «новое варварство», в котором Беньямин уличает не только ребенка, но и «великих», конструирующих свои миры без оглядки на утвердившийся «опыт», – Декарта, Эйнштейна, Клее, Брехта, Лооса, Ле Корбюзье или Шеебарта [Benjamin, 1991, S. 215–217].

Возвращение к «детской» немоте означало ревизию прежнего знания – так зарождались проекты аналитической философии и феноменологии с их процедурами «удивления»⁴, архитектура БАУХАУСа и русского конструктивизма, развивалось «наивное» и абстрактное искусство Шагала, Малевича, Кандинского, Гончаровой, Джакометти, европейский дадаизм и русская поэтическая заумь, так создавался *модернистский текст детства* – невероятное разнообразие жизнеописаний ребенка или таких нарративов, в которых (квази)детский взгляд служил деавтоматизации поведенческих, идеологических, жанровых схем. В детском тексте⁵ с особенной силой проявилось свойство модернизма, метафорически

¹ См. о советской «агиографии»: [Соцреалистический канон ... ; Clark, 1981].

² Гимн позднесоветского поколения свободных художников, выраженный в песне группы «Аквариум» (1987, альбом «Равноденствие»). Бросив престижный военный институт иностранных языков, спасаясь от закона о тунеядстве, Саша Соколов перепробовал всевозможные занятия от санитара до истопника и егеря.

³ Беньямин цитирует фразу *Verwisch die Spuren!* («Сотри следы») из стихотворения Брехта «Хрестоматия для горожан» (*Lesebuch für Städtebewohner*).

⁴ См. исследование «философского удивления» на материале Гуссерля и Витгенштейна: [Чернавин, 2017].

⁵ Термин «детский текст», или «текст детства», используется нами как семиотическое и историко-литературное понятие, охватывающее сумму различных художественных и гибридных текстов (документов, автофикции и пр.), описывающих детство и / или использующих детскую точку зрения (ср.: *текст города, утопический текст, пасторальный текст, сакральный текст* и т.п.). Не путать с «детской литературой», т.е. текстами, предназначенными для детей и юношества.

обозначенное философом М. Маяцким как «мощная машина удивления» [Маяцкий, 2021, с. 100]. Мир, увиденный – и описанный – как впервые (В. Шкловский), воспринятый как «диковинка» (Л. Добычин), первобытные джунгли или мистическое зазеркалье семейного «интерьера» (В. Беньямин), «оранжерейный рай» (В. Набоков»), «дачная река Лета» (Саша Соколов) – все эти вариации модернистских детских микрокосмов содержат общую тональность инаковости и по отношению к миру взрослых определяются как предыстория, «рой», из которого мучительно прорастает «строй» (Андрей Белый, «Котик Летаев», 1918).

Обращение к абсолютному началу, первоистoku – человечества и личности – происходило одновременно в художественной практике и психологических штудиях: модернистское изобретение детства сопровождалось открытием «травмы рождения», амбивалентности «я» и «двойника» (О. Ранк), исследованием либидо и стадий детского развития (З. Фрейд; Ж. Пиаже), обнаружением и всесторонним изучением архетипа ребенка (К.Г. Юнг), включая такую разновидность его, как *puer aeternus* (вечный мальчик)¹.

Наблюдения психофизиологов и психоаналитиков обнаруживают поразительное сходство с открытиями литературными. Так, Х.Г. Бейнс в середине прошлого века, развивая идею Юнга, описывал *puer aeternus* как тип мужчины, живущего в состоянии еще не начавшейся жизни, «жизни на черновик» (*provisional life*), в которой принцип удовольствия доминирует над принципом реальности, а свершение взрослых планов бесконечно отодвигается в неопределенное будущее [Baynes, 1950]. Подобное восприятие собственной жизни как «гипотетического», «лабораторного» и, в конце концов, утопического проекта пространно описывается в известном романе Р. Музиля «Человек без свойств» (1932). Ульрих, герой романа, принципиально не желает выбрать единственный путь, предпочитая состояние неопределенности, существование в качестве «потенциального человека», «ненаписанной поэмы своего бытия» [Музиль, 2007, с. 239]. (Ср.: «Человек без свойств не говорит жизни “нет”, он говорит: “еще нет”! и сохраняет себя» [там же, с. 427].) Не случайно это творческое отношение

¹ См. многочисленные статьи Юнга об архетипе ребенка, «предвечном младенце», а также развитие его темы в монографии: [von Franz, 2000].

к своему бытию как вечно становящемуся, неготовому, реализуется – на уровне (юнгианской) характерологии – в своеобразном регрессе: возвращении героя в лоно детства, а именно воссоединении Ульриха после похорон отца с сестрой Агатой, его женским тенью-двойником, анимой. Научной лаборатории и библиотеке, светскому салону, конструкторскому бюро, банку и политической трибуне – иными словами, всем опробованным взрослым поприщам – герой 1913 года предпочитает в итоге сновидческий микрокосм детской, в котором все пути еще предстают как *возможные*.

Другой вариант подобного тотально открытого проекта индивидуации представляет история Орlando в одноименном романе В. Вулф (1928), многоступенчатый сюжет об андрогинном герое / героине, проходящем разные формы «карьеры» – ролевые маски – самого / самой себя в ходе трехвековой европейской истории¹. Тип *puer aeternus* как воплощенное нежелание взрослеть, стремление сохранять лиминальное положение между ребенком (или отроком, юношей) и взрослым, угадывается в романе Алена-Фурнье «Большой Мольн» (1913), в «Ужасных детях» Ж. Кокто (1929), в фигуре трикстера Оскара Мацерата у Г. Грасса («Жестяной барабан», 1959). Палисандр у Саши Соколова воплощает одновременно «заброшенного» сироту-отрока² и рано созревшего мужчину, при

¹ Ср. Юнг о «гермафродитизме» архетипа ребенка как о «конструктивном объединении противоположностей», симбиозе сознания и бессознательного: [Юнг, 1996, с. 67–69]. Юнгианскую трактовку «Орlando» предлагал еще в 1979 г. К. Снайдер, однако он усматривал в развитии андрогинного героя заверченный проект индивидуации – обретение самости (Selfhood) в финальной инкарнации женщины-литератора, альтер эго В. Вулф [Snider, 1979]. Нам, в свою очередь, гораздо интереснее внимание писательницы к *становлению* идентичности Орlando – процессу затянувшегося выбора самости, затрудненной социализации (понятно, что для Вулф это было связано с ревизией «общественного договора» о гендере, классовой иерархии, писательском труде). Непрерывная отсрочка зрелости, собственно, и составляет сюжет романа.

² Мотив сиротства, «заброшенности, покинутости, подверженности опасностям» как воплощение хрупкости всякого нового бытия усматривал в архетипе ребенка Юнг: [Юнг, 1996, с. 63–67]. Интересно сравнить наблюдения психоаналитика с размышлениями В. Бенямина о лиминальном положении ребенка: «...у детства нет готовых мнений, включая мнения о жизни. Как и сама жизнь, оно так же тесно <...> связано с царством мертвых, откуда оно вторгается в царство живых» («Берлинское детство на рубеже веков»; цит. по: [Павлов, 2005, с. 98]). Е. Павлов сближает детский текст Бенямина и Мандельштама, справедливо ус-

этом его излюбленной *средой обитания* является наполненная водой ванна: в ней он проводит часы отдыха и размышлений, а также довольно часто и охотно совершает соития с женщинами, годящимися ему в матери и даже бабушки. Исцеляющее и гармонизирующее воздействие плеска воды, соитие с женщиной-матерью – все эти атрибуты трикстера Палисандра, несомненно, наталкивают на мысль об архетипическом мотиве возвращения в материнское лоно, символическом бегстве из мира взрослых («Палисандрия», 1985)¹.

Безусловно, один из ярких примеров саботажа принципа реальности мы обнаруживаем в маскарade подростков и инфантильных, нередко аутичных, героев Р. Вальзера («Сочинения Фритца Кохера», «Якоб фон Гунтен», «Помощник», «Ребенок III», «Прогулка», «Разбойник») ². Ребенок здесь предстает как «враждебный жизни идеал» (*ein lebensfeindliches Ideal*) [Alefeld, 1996, S. 74]. Сохранение детского восприятия мира сопровождается типично романтической топикой, включающей: «пассеизм, возвращение к истоку», «тоску по утраченному единству индивида... по собственному детству», «ностальгию, культурный пессимизм, регресс, религиозное сиротство, аскетическую враждебность по отношению к миру» [там же]. Незавершенность, а на уровне психологической коллизии безвыходность, неразрешимость ситуации характерны для большинства крупных произведений Вальзера. Пасторальная мягкость, безмятежность, блаженство, которые источают его *вечные мальчики*, «круглые ноли» в социальном плане («Якоб фон Гунтен»), почти всегда окрашены тревожными обертонами и напоминают читателю о фрейдовском Танатосе – регрессе, ретардации развития как воплощении ужаса перед жизнью, бессознатель-

матривая у авторов схожие черты как в восприятии травмирующего опыта, так и в способах его поэтического преодоления.

¹ Неизбывная детскость этого героя проявляется и в том, что взрослые дискурсы – политические, бытовые – он воспринимает исключительно карикатурно, искажая и профанируя их. Важно, что взрослый мир изображен в этом позднесоветском романе не как зрелый, а как дряхлеющий, старый: череда выживающих из ума, умирающих один за другим генеральных секретарей и функционеров более скромного уровня изображена поистине карнавально.

² Из новых исследований этой темы заслуживает внимание монография: [Schildmann, 2019].

ного желания вернуться в состояние неорганической материи. Возглас Фауста, сокрушающегося об участии Маргариты и собственной вине (*O, wär ich nie geboren!*), точно отображает это подспудное желание отвратить всякое линейное движение истории, коль скоро оно обещает утраты и прегрешения. В культурной традиции эта реплика, как известно, соотносится с местом из Евангелия от Матфея: «Но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться» (Мф. 26:23).

Топика «невинности и опыта» в модернистской литературе решается, очевидно, двояко: наряду с развитием темы «рая» детства присутствует тема *enfant terrible*, вскрывается «жуткое» детства (ср.: «Ужасные дети» Ж. Кокто; «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» Р. Музиля; «Фальшивомонетки» А. Жида; «Повелитель мух» У. Голдинга; «Заводной апельсин» Э. Бёрджесса; «Шуркина родня» Л. Добычина; «Щенки» П. Зальцмана; «Легенда» Ю. Олеша). В. Беньямин в заметке «Старая игрушка» (*Frankfurter Zeitung*, 1928) отмечал, что, имея дело с ребенком, постоянно сталкиваешься с «жестоккой, гротескной, свирепой стороной детского существования», и пока «кротко-благодушные педагоги еще носятся с мечтами Руссо», некоторые писатели и художники (например, Рингелънатц и Клее) уже «постигли деспотическое и бесчеловечное начало (*das Entmenschte*) в ребенке» (цит. по: [Giuriato, 2006, S. 16]). Исследователь модернистского детского текста Д. Джуриато подчеркивает, что мысль Беньямина полемически направлена против (эссенциалистского) притязания педагогов овладеть «душой ребенка», постичь его сущность, в то время как Беньямин предлагает описывать не самого ребенка, а нечто в нем – «варварское» (*Barbarische*) и «бесчеловечное» (*Entmenschte*), усматривая в этом куда больше честности, чем в следовании просветительским идеалам [там же].

«Романтическая и сентиментальная идеализация детства, – отмечают составители сборника о феномене детства в англо-американской литературе, – <...> постепенно сменяется опытом его деидеализации и психологизации; для литературы рубежа веков и XX века становится особенно важным образ порочного, злого, жестокого ребенка; тема детства раскрывается через мотивы перверсии, сексуальности и смерти» [Детство... , 2016, с. 5]. Весьма наглядной эта амбивалентность образа ребенка предстает в картинах Бальтуса (1908–2001): дети, застигнутые взглядом худож-

ника, словно понимают, что за ними наблюдают – в их позах, жестах, мимике выражается волнующее, почти мистическое сочетание невинности и эротизма, нежности и жестокости (см.: «Урок гитары», 1934; «Девочка и кошка», 1937; «Дети», 1937; «Тереза», «Мечтающая Тереза», 1938; «Катя за чтением», 1974; и др.).

Показателен такой факт: в 1890 г. вышла книга лейпцигского философа и педагога Людвиг А. Штрюмпеля «Педагогическая патология, или Учение о детских нарушениях» (*Die pädagogische Pathologie oder Die Lehre von der Fehlern der Kinder*), где в алфавитном порядке выстроилось более 300 «дефектов», от «бесстыдства» и «лености ума» до «навязчивых действий» и «пугливости» (см. подробно: [Baader M.S., Eßer F., Schröer W., 2014, S. 124–127]). Ученик школы И.Ф. Гербарта, Штрюмпель развивал педагогику в тесной связи с психиатрией (вытеснение, ассоциативное мышление, апперцепция – категории, введенные Гербартом до психоанализа). Штрюмпель исходил из позиции взрослого: ребенок имеет недостатки, которые в зрелом состоянии, если воспитание прошло успешно, преодолеваются [Baader M.S., Eßer F., Schröer W., 2014, S. 127]. Между тем художественное исследование детства представляло собой более гибкую модель: ребенок изображался изнутри, с позиции детского сознания, или, чаще всего, использовалась двойная оптика, когда наряду с ребенком-фокализатором присутствовал наблюдатель-взрослый – как правило, герой-рассказчик, реконструирующий собственное детское «я».

Следует упомянуть, что у истоков детского модернистского текста находятся два важных романа – «Записки Мальте Лауридса Бригге» австрийца Р.М. Рильке (1910) и «Котик Летаев» русского символиста Андрея Белого (1918). В обоих произведениях, несмотря на непохожесть стилей, реализуется эпистемологическая метафора *детского зрения*¹. Датский поэт Мальте у Рильке учится

¹ Взросление нередко сопряжено с коренной сменой оптики, метафорически и буквально. Так, роман «Город Эн» Добычина завершается эпизодом, в котором герой-подросток вдруг просит пенсне у приятеля и неожиданно видит мир в резких, острых очертаниях («В тот же день побывал я у глазного врача и надел на нос стекла» [Добычин, 2013, с. 182]). Детализация, настойчивое приближение социального мира, прежде рассматриваемого мальчиком сквозь флер собственных фантазий, означает для него и утрату, и обретение, включая осознание *эротического* (концовка романа звучит так: «Вечером, когда стало темно, я увидел,

видеть заново, при этом погружаясь в глубину собственного детства и отрочества и одновременно – в глубину истории культуры; в романе – или повести, как ее нередко определяют историки литературы – Андрея Белого показывается становление самосознания не просто в раннем, но в утробном состоянии героя, Котика Летаева, некоем доэмпирическом микрокосме, которое описывает 30-летний рассказчик.

В. Шкловский в свое время предложил довольно проницательный анализ этого двоякого изображения детского сознания, мерцающего между «роем» и «строем» [Шкловский, 1990, с. 212–239] (впоследствии его интерпретация стала, в свою очередь, предметом рефлексии О. Ханзен-Лёве: [Ханзен-Лёве, 2001, с. 160–163]). Обращая внимание на такую детскую черту героя, как «умение скашивать глазки», т.е. смотреть на вещи вкось, необычно, так, что «стены», «узоры» на обоях, созерцаемые вещи «снимаются с мест», Шкловский педалирует собственную идею «остранения» как способности видеть и показывать вещи необычным, свежим, *детским* взглядом (цит. по: [Шкловский, 1990, с. 230]). Примечательно у Андрея Белого и то, что реконструкция дологического состояния «роя» воплощается в трансформациях речи – всевозможных языковых играх, детской («варварской») этимологизации слов и выражений, метаморфозах звука и слова в «вещь»¹.

Для Рильке ребенок воплощал поистине поэтическую ипостась личности: здесь важен и первый опыт абсолютного одиночества, и самопогружение, и овладение, на ошупь, на свой страх и риск, речь. Из детского «не-понимания» взрослой суеты произ-

что звезд очень много и что у них есть лучи. Я стал думать о том, что до этого все, что я видел, я видел неправильно. Мне интересно бы было увидеть теперь Натали и узнать, какова она. Но Натали далеко была. Лето она в этом году проводила в Одессе» [там же]).

¹ См. также о «поэтическом косноязычии» и поисках «другого языка» у Андрея Белого: [Лотман, 1988]. Французская славистка М. Левина-Паркер исследует поэтологию «Котика Летаева», этого «романа со словом», подчеркивая: «Детское сознание... служит не столько мотивировкой повествования, сколько той средой, в которой, из-за ее близости к бессознательному, ассоциативные языковые процессы протекают со всей возможной интенсивностью и чистотой. Дискурс Котика, находящегося в момент повествования в объятиях эдипова комплекса, одновременно – и детские воспоминания взрослого невротика Николая Летаева, и метавысказывание текста о языке» [Levina-Parker, 2002–2003, p. 518].

растает состояние «одиночества, изоляции» (*da doch Nicht-Verstehen Alleinsein ist*), а распознанным вскоре «убогим» взрослым хлопотам, их омертвелым (*erstarren, mit Leben... nicht verbunden*) делам противостоит «широта внутреннего одиночества» [Rilke, 2014]. Рильке видит задачу самопостижения в реконструировании этого первого подлинного знакомства в самом собой: прожитое детство «как будто погребено» и его еще предстоит «наверстать, достичь» (*heranreichen*) заново [Rilke, 1965, S. 16], «прояснить» для себя (*man muß zurückdenken können <...> an Kindheitstage, die noch unaufgeklärt sind*) [там же, S. 17–18].

Поэтика детства обнаруживает в модернизме потенциал поэтологии. Припоминание собственного детства оборачивается сочинением, изобретением этого детства, превращающегося в фиктивное детство, детство как таковое, а процесс припоминания сопровождается непрерывной саморефлексией. Возвращение к детству – это и возвращение к началам речи, письма, чтения. Письмо о детстве нередко метаморфозирует в детское письмо. Так выстраивается амбивалентная поэтология детской / взрослой речи в «Котике Летаеве» Андрея Белого, «Детстве Люверс» Б. Пастернака (1917), в «Сочинениях Фритца Кохера» (1904) и «Якобе фон Гунтене» (1909) Р. Вальзера, «Шуме и ярости» У. Фолкнера (1929), в «Египетской марке» (1927) и «Шуме времени» (1925) О. Мандельштама, «Берлинском детстве на рубеже веков» В. Бенямина, «Городе Эн» Л. Добычина (1935), «Школе для дураков» (1973) и «Палисандрии» (1985) Саши Соколова. Мандельштам, виртуозно возводивший мост между младенческим косноязычием и взрослением, пронизательно указал на типично модернистское движение от семейно-родового микрокосма («хаоса иудейского») к сиротству – рискованному поэтическому самообретению в новом, еще не обжитом макрокосме мировой культуры («Что хотела сказать семья? Я не знаю. Она была косноязычна от рождения, – а между тем у нее было что сказать. Надо мной и над многими современниками тяготеет косноязычие рождения. Мы учились не говорить, а лепетать – и, лишь прислушиваясь к нарастающему шуму века и выбеленные пеной его гребня, мы обрели язык» [Мандельштам, 1991, с. 94]). Для Т. Бернхарда, австрийского модерниста, рефлексия

о собственном детстве в период Третьего рейха¹ сопряжена с настойчивыми поисками истоков писательского «Я» и, шире, анализом онтологических и ценностных основ языка, границ «лжи» и «вины» языка. При этом *семейно-родовое* тоже тесно сплетено с опытом поколения: извлечение «погребенного» детства из тьмы воспоминаний означает не только самоисследование, но и исторический суд над миром взрослых – исповедь перерастает в расследование, обвинительную речь.

Независимо от того, эксплицируются ли в модернистском тексте детства вопросы речепорождения и именования, коммуникации и природы языка или перед нами «дикая»² проза, созданная в подражание нерелексивному, «примитивному» детскому языку, *детскость* становится здесь эпистемологической метафорой.

Вошедший в культуру через *остранение*, по Шкловскому, детский («варварский», по Беньямину) взгляд на вещи как на впервые увиденные, как на «дикушку» (так смотрит на вещи осваивающий взрослый мир персонаж Добычина), определил модальность целого пласта модернистской литературы. Свести ее к одному знаменателю невозможно, поскольку детскость раскрывается здесь в самых разных значениях: это и толстовское по духу опрощение как отказ от любых конвенций, и авангардная неоархаизация языка, вдохновленная бунтом против ангажированных дискурсов политики, капитала и медиа, и мимикрия стиля под детское, дологическое или пато-логическое говорение и сознание («идиоты» Фолкнера, Вальзера, Беккета, Хармса, Введенского, Саши Соколова), и реконструкция раннего опыта *затрудненного* овладения речью как модель чистого поэтического опыта, перед которым индивид всегда оказывается беззащитен и одинок, как если бы «он продвинулся не дальше, чем Гомер» [Пруст, 1999, с. 35] (таковы «инфантильные» проекции Рильке, Пруста, Беньямина, Пастернака).

«Тюрьму языка», из (и вопреки) которой говорит в модернистской прозе ребенок или его представитель (так в «Разбойнике»

¹ Речь идет о цикле из пяти автофикциональных повестей *о детстве, отрочестве, юности* (правда, в инверсированном порядке), опубликованных в период 1975–1982 гг. (*Die Ursache. Eine Andeutung, Der Keller. Eine Entziehung, Der Atem. Eine Entscheidung, Die Kälte. Eine Isolation, Ein Kind*).

² Аллюзия на рассказ Добычина «Дикие».

Вальзера у «неготового»¹ героя есть некто вроде патрона, опекуна, ангела-хранителя – его рассказчик-тень), мы можем трактовать, таким образом, не только в прямом смысле как репрессивный механизм языка-власти – тоталитарного новояза, техно- и бюрократии, обиденного *Man*. В широком смысле для модерниста такой «тюрьмой» предстают всякий естественный язык, неизбежно являющийся надындивидуальной системой знаков («Все слова изобретены другими», – сокрушался Х. Балль [Балль, 1986, с. 317]), любая традиция – вместилище жанровых канонов, необозримой риторической топики, включая топику школьную и политическую.

Проблематизация отношений с канонem – классическим или школьным литературным², с публичной риторикой – особенно ярко представлена в русской линии модернистского и во многом nasledующего ему постмодернистского текста детства. В СССР ребенок особенно активно включен в систему социалистического переустройства общества, являясь маленьким участником взрослого утопического проекта. Его эстетическая реализация и пропедевтика была доверена соцреализму (ср.: «Фабрика людей», или, в другой редакции, «Трудовая коммуна ОГПУ» М.С. Погребинского, 1929; фильм на основе этого романа «Путевка в жизнь», Гран-при Венецианского кинофестиваля, 1932 г.; «Педагогическая поэма»

¹ Здесь мы имеем в виду не только аллюзию на известный бахтинский концепт, но и в буквальном смысле один из пассажей романа-фрагмента Вальзера, где воздается дань непутевым и горделивым, саботирующим порядок буржуазного целополагания: *Es gibt gottlob noch Zweifler und solche, die zu zaudern den Drang haben. Als wenn jeder Zupackende, Einsackende, Ansprüchemachende uns ein Vorbild und dem Land, dem er angehört, ein guter Mitbürger wäre. Eben gerade nicht! Und Unfertige sind fertiger als Fertige, und Unbrauchbare oft viel brauchbarer als Brauchbare, und im übrigen braucht nicht jedes und alles sogleich oder in aller kürzester Frist zum Gebrauch vorhanden zu sein* [Walser, 1986, S. 69].

² См. исследование исторических изменений, в первую очередь под влиянием идеологии, советского школьного литературного канона: [Павловец, 2016]. Из обзора становится ясным, что, несмотря на перемещение каких-то текстов из школьной программы и обратно, отказ от некоторых произведений, существенный массив дореволюционной и советской классики и, соответственно, программа заучиваемых наизусть фрагментов и небольших текстов, оставались неизменными. Это обеспечило устойчивость литературных стереотипов и речевых клише в нескольких советских поколениях (на общности коллективной «цитатной» памяти, собственно, и построена деконструирующая языковая игра в романах Саши Соколова, Венедикта Ерофеева, Андрея Битова, Татьяны Толстой и др.).

(1929–1935) А.С. Макаренко; «Чук и Гек» (1939), «Тимур и его команда» (1940) А.П. Гайдара; «Республика ШКИД» (1927) Л. Пантелеева и Г.Г. Белых; «Как закалялась сталь» Н.А. Островского; «Спортивный марш» В.И. Лебедева-Кумача; «Мальчик из Уржума» (1936) А.Г. Голубевой). Ребенок находится под надзором семьи и институций, и язык его, вопреки внутреннему «варварству», импульсам аутентичного освоения мира, во многом определен тоталитарным политическим дискурсом. Ребенок снова, как в Средние века, обретает статус зависимого. Вспомним наблюдения Ф. Арьеса: «Ребенок очень долго, вплоть до XX века, занимал положение несвободного, еще не состоявшегося, не созревшего “взрослого”»; во французском языке «слова “сын”, “парень”, “гарсон” принадлежат еще и к словарю феодальных или сеньориальных отношений зависимости. <...> Детство кончалось тогда, когда кончалась или становилась меньшей зависимость. Вот почему относящиеся к детям слова еще долго будут в разговорном языке фамильярным обозначением для людей низших сословий, находящихся в полном подчинении у других: лакеев, солдат, подмастерьев. “Малыш” – это вовсе не обязательно ребенок, но молодой слуга (подобно тому как сегодня мастер или начальник скажет о 20–25-летнем рабочем: это славный малый, или, наоборот, никчемный)» [Арьес, 1999, с. 37]¹.

Именно поэтому деконструкция власти тоталитарного языка в XX в. осуществляется с помощью погружения в него и иронического остранения всех его аспектов и стилевых регистров. Так сконструирован, например, цитатный карнавальный дискурс – ослуженный взрослой оглядкой автора-двойника поток сознания школьника Нимфеи в романе Саши Соколова «Школа для дура-

¹ Ср. у Р. Вальзера статус персонажей: ребенок, ученик, помощник, слуга, батрак, паж, оруженосец, конторский служащий низшего уровня (копиист). Инфантный герой романа «Разбойник» называется *der Unfertige* и сравнивается с героем воспитательного романа швейцарца Иеремии Готхельфа Ули-батраком (*Wie Uli, der Knecht, glücklich wird: Eine Gabe für Dienstboten und Meisterleute*, 1841): “Der Räuber war zeitweise ein ebenso zartes und gradliniges Kalb wie Uli” [Walser, 1986, S. 69]). Покладистость, кротость, ласковость, простодушие и медлительность, плутоватость – свойства, которыми наделяется герой у Вальзера, схожий с «кротким телком».

ков»¹ или недоросля Палисандра в более позднем тексте писателя («Палисандрия»).

Осознание неизбежной власти языка поэтом, тщетно пытающимся вернуть знакам «невинность», лежало в основе образа *Sprachgitter* Пауля Целана². «Тюрьма языка» может быть истолкована и в смысле, предложенном Ф. Джеймисоном, исследовавшим проекты русского формализма и европейского структурализма: усматривать во всякой социальной практике язык, в литературе – «литературность». Такой опыт, как писал Джеймисон, «позволяет нам снова родиться в мире с его экзистенциальной новизной и ужасом» [Джеймисон, 2014, с. 74]. По верному замечанию Д. Джуриато, комментирующего поэтологическую рефлексию Беньямина в «Берлинском детстве на рубеже веков» и «Улице с односторонним движением», «существенная черта ребенка – в отличие от взрослого – та, что он еще может обучиться речи, а детская черта взрослого – в отличие от ребенка – состоит в знании, что он в принципе не прирожденный оратор и когда-то всего лишь лепетал» [Giuriato, 2006, S. 19].

Как было показано в нашем кратком обзоре, модернистский детский текст реализуется в тесной связи с поэтологическими задачами модернизма – бунтом против «тюрьмы» традиции, установлением дистанции по отношению к актуальным дискурсам, поисками индивидуального стиля, при этом такой поиск тождествен утопии изобретения языка как такового, «с самого начала» (Беньямин), что сближает позицию писателя-модерниста с ребенком, в противостоянии власти «взрослых» и их языка обретающим собственную речь.

¹ Ср. искажающую и деконтекстуализирующую игру ребенка-рассказчика с канцеляризмами, пропагандистскими клише, цитатами из произведений, вошедших в советский литературный канон: «вопросы внешней и внутренней калитики»; «министерство *оборзования*», «министерство тревог»; «движется она по коридорам, и классам, и лестницам, зависая в пролетах, обращаясь в жужжащую навозную муху, *разворачиваясь в марше*, пощелкивая кастаньетами»; «я никогда не брошу кричать в бочки и буду заполнять криком своим пустоту пустых помещений, пока не заполню их все, чтобы не было мучительно больно»; «Но мне мучительно больно, друзья, расстаться с вами, девочками и мальчиками грандиозной эпохи инженерно-литературных потуг»). – курсив наш. – В.К.

² Поэтический неологизм ('решетка речи' или 'решетка языка') обыгрывает слово *Sprechgitter* – решетка, разделяющая заключенного и посетителя в тюрьме, вынужденных разговаривать через этот барьер.

Список литературы

- Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с франц. Ю.А. Старцева при участии В.А. Бабинцева. – Екатеринбург : Издательство Уральского ун-та, 1999. – 416 с.
- Балль Х.* Манифест к первому вечеру дадаистов в Цюрихе // Называть вещи своими именами : программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX в. / сост., предисл., общ. ред. Л.Г. Андреева. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 316–318.
- Беньямин В.* Берлинское детство на рубеже веков / пер. Г.В. Снежинской ; науч. ред. А.В. Белобратова. – Москва : ООО «Ад Маргинем Пресс» ; Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2012. – 144 с.
- Детство в англо-американском художественном сознании XVII–XX веков : сб. ст. / отв. ред. М. Надъярных, А. Уракова. – Москва : ИМЛИ РАН, 2016. – 264 с.
- Джеймисон Ф.* Марксизм и интерпретация культуры : пер. с англ. – Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2014. – 414 с.
- Добychин Л.* Полное собрание сочинений и писем. – Санкт-Петербург : Союз писателей Санкт-Петербурга, ООО «Журнал “Звезда”», 2013. – 544 с.
- Лотман Ю.М.* Поэтическое косноязычие Андрея Белого // Андрей Белый. Проблемы творчества : статьи, воспоминания, публикации / [сост. С. Лесневский, А. Михайлов]. – Москва : Советский писатель, 1988. – С. 437–443.
- Мандельштам О.Э.* Шум времени // Мандельштам О.М. Четвертая проза. – Москва : СП Интерпринт, 1991. – С. 43–105.
- Маяцкий М.* Удивление, событие и метонимический субъект // Логос. – 2021. – Т. 31, № 3. – С. 97–122.
- Музиль Р.* Человек без свойств : роман / пер. с нем. С. Апта. – Москва : Эксмо, 2007. – 1088 с.
- Павлов Е.* Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама / пер. с англ. А. Скидана. – Москва : Новое литературное обозрение, 2005. – 224 с.
- Павловец М.* Школьный канон как поле битвы. Часть 1. Историческая реконструкция // Неприкосновенный запас. – 2016. – Т. 106, № 2. – С. 73–92.
- Пруст М.* Против Сент-Бёва : статьи и эссе / пер. с фр. Т.В. Чугуновой ; вступ. ст. А.Д. Михайлова. – Москва : ЧеРо, 1999. – 224 с.
- Сokolov С.* Школа для дураков. – Санкт-Петербург : Азбука : Азбука-Аттикус, 2019. – 256 с. – (Азбука Premium).
- Соцреалистический канон : сб. статей / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. – 1040 с. : илл.
- Ханзен-Лёве Оге А.* Русский формализм : методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения / пер. с нем. С.А. Ромашко. – Москва : Языки русской культуры, 2001. – 672 с. – (Studia philologica).
- Чернавин Г.* Формы философского удивления : Гуссерль и Витгенштейн о самопонятном // HORIZON. – 2017. – № 6(2). – С. 164–176.

- Шкловский В.Б.* Гамбургский счет : статьи – воспоминания – эссе, (1914–1933). – Москва : Советский писатель, 1990. – 544 с.
- Юнг К.Г.* Психология архетипа ребенка // Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. – Москва : Наука, 1996. – С. 51–71.
- Alefeld Y.-P.* Göttliche Kinder : die Kindheitsideologie in der Romantik. – Paderborn : Ferdinand Schöningh, 1996. – 414 S.
- Baader M.S., Eßer F., Schröer W.* Kindheiten in der Moderne : eine Geschichte der Sorge. – Frankfurt ; New York : Campus Verlag, 2014. – 514 S.
- Baynes H.G.* The provisional life // Baynes H.G. Analytical psychology and the English mind. – London : Methuen, 1950. – P. 61–75.
- Benjamin W.* Erfahrung und Armut // Benjamin W. Gesammelte Schriften in 6 Bd. / hrsg. von R. Tiedemann. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1991. – Bd. 2, 1 : Teil. – S. 213–219.
- Clark K.* The Soviet novel : history as ritual. – Chicago : Univ. of Chicago press, 1981. – 307 p.
- von Franz M.-L.* The problem of the Puer Aeternus. – 3d ed. – Toronto : Inner city books, 2000. – 229 p.
- Giuriato D.* Mikrographien zu einer Poetologie des Schreibens in Walter Benjamins Kindererinnerungen, (1932–1939). – München : Wilhelm Fink Verlag, 2006. – 324 S.
- Levina-Parker M.* Роман со словом. Повесть «Котик Летаев» Андрея Белого // *Revue des Études Slaves*. – 2002–2003. – Vol. 74, N 2–3. – P. 517–530.
- Rilke R.M.* Briefe an einen jungen Dichter // Rilke R.M. Gesammelte Schriften zu Kunst und Literatur [Kindle electronic edition]. – Plano (TX) : E-Artnow, 2014. – (нумерация страниц отсутствует).
- Rilke R.M.* Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge. – München : Deutscher Taschenbuch, 1965. – 174 S.
- Schildmann M.* Poetik der Kindheit : Literatur und Wissen bei Robert Walser. – Göttingen : Wallstein Verlag, 2019. – 497 S.
- Snider C.* “A single Self” : a Jungian interpretation of Virginia Woolf’s “Orlando” // *Modern fiction studies*. – 1979. – Vol. 25, N 2. – P. 263–268.
- Walser R.* Sämtliche Werke in Einzelausgaben / Greven J. (Hrsg.). – Zürich ; Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1986. – Bd. 12 : Der Räuber. – 232 S.

References

- Ariès, Ph. (1999). *Rebenok i semeinaya zhizn' pri Starom poryadke*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo un-ta.
- Ball, H. (1986). Manifest k pervomu vecheru dadaistov v Tsyurikhe. In L.G. Andreev (Ed.), *Nazyvat' veshchi svoimi imenami: Programmnye vystupleniya masterov zapadnoevropeiskoi literatury XX v.* (pp. 316–318). Moscow: Progress.
- Benjamin, W. (2012). *Berlinskoe detstvo na rubezhe vekov*. Moscow: OOO Ad Marginem Press, Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi.
- Nad'yarnyx, M., & Urakova, A. (Eds.). (2016). *Detstvo v anglo-amerikanskom khudozhestvennom soznanii XVII–XX vekov*. Moscow: IMLI RAN.

- Jameson, F. (2014). *Marksizm i interpretatsiya kul'tury*. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi.
- Dobychin, L. (2013). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. Saint-Petersburg: Soyuz pisatelei Sankt-Peterburga; OOO Zhurnal "Zvezda".
- Lotman, Yu.M. (1988). Poeticheskoe kosnoyazychie Andreya Belogo. In S. Lesnevskij & A. Mikhajlov (Eds.), *Andrei Bely: Problemy tvorchestva. Sbornik* (pp. 437–443). Moscow: Sovetskii pisatel'.
- Mandelstam, O.E. (1991). Shum vremeni. In: O.M. Mandelstam, *Chetvertaya proza* (pp. 43–105). Moscow: SP Interprint.
- Mayatsky, M. (2021). Udivlenie, sobytie i metonimicheskii sub'ekt. *Logos*, 31(3), 97–122.
- Musil, R. (2007). *Chelovek bez svoistv: Roman*. Moscow: Eksmo.
- Pavlov, E. (2005). *Shok pamyati. Avtobiograficheskaya poetika Val'tera Ben'yamina i Osipa Mandel'shtama*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Pavlovets, M. (2016). Shkol'nyi kanon kak pole bitvy. Chast' 1. Istoricheskaya rekonstruktsiya. *Neprikosnovenniy zapas*, 106(2), 73–92.
- Proust, M. (1999). *Protiv Sent-Beva: Stat'i i esse*. Moscow: CheRo.
- Sokolov, S. (2019). *Shkola dlya durakov*. Saint-Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus.
- Günter, X., & Dobrenko, E. (Eds.). (2000). *Sotsrealisticheskii kanon*. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt.
- Hansen-Löwe Oge, A. (2001). *Russkii formalizm: Metodologicheskaya rekonstruktsiya razvitiya na osnove printsipa ostraneniya*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Chernavin, G. (2017). Formy filosofskogo udivleniya: Gusserl' i Vitgenshtein o samoponyatnom. *HORIZON*, 6(2), 164–176.
- Shklovskii, V.B. (1990). *Gamburgskii schet: Stat'i – vospominaniya – esse (1914–1933)*. Moscow: Sovetskii pisatel'.
- Jung, C.G. (1996). Psikhologiya arkheta rebenka. In C.G. Jung, *Struktura psikhiki i protsess individuatsii* (pp. 51–71). Moscow: Nauka.
- Alefeld, Y.-P. (1996). *Göttliche Kinder: die Kindheitsideologie in der Romantik*. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
- Baader, M.S., Eßer, F., & Schröer, W. (2014). *Kindheiten in der Moderne: Eine Geschichte der Sorge*. Frankfurt; New York: Campus Verlag.
- Baynes, H.G. (1950). The provisional life. In H.G. Baynes, *Analytical psychology and the English mind*. London: Methuen (pp. 61–75).
- Benjamin, W. (1991). Erfahrung und Armut. In W. Benjamin *Gesammelte Schriften in 6 Bd.* (Vol. 2, pt. 1, pp. 213–219). Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- Clark, K. (1981). *The Soviet Novel: History as Ritual*. Chicago: The University of Chicago Press.
- von Franz, M.-L. (2000). *The Problem of the Puer Aeternus*. (3d ed.). Toronto: Inner City Books.
- Giuriato, D. (2006). *Mikrographien zu einer Poetologie des Schreibens in Walter Benjamins Kindererinnerungen (1932–1939)*. München: Wilhelm Fink Verlag.
- Levina-Parker, M. (2002–2003). Roman so slovom. Povest' "Kotik Letaev" Andrey Belogo. *Revue des Études Slaves*, 74(2–3), 517–530.

- Rilke, R.M. (2014). Briefe an einen jungen Dichter. In R.M. Rilke, *Gesammelte Schriften zu Kunst und Literatur* (Kindle Edition). Plano: E-Artnow.
- Rilke, R.M. (1965). *Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge*. München: Deutscher Taschenbuch.
- Schildmann, M. (2019). *Poetik der Kindheit: Literatur und Wissen bei Robert Walser*. Göttingen: Wallstein Verlag.
- Snider, C. (1979). "A single Self": A Jungian interpretation of Virginia Woolf's "Orlando". *Modern Fiction Studies*, 25(2), 263–268.
- Walser, R. (1986). Der Räuber. In R. Walser, *Sämtliche Werke in Einzelausgaben*. (Greven J., ed., Vol. 12). Zürich; Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag.